

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK
TIMES

ЛЮСИ ЭДЛИНГТОН

ПОРТНИХИ ОСВЕНЦИМА

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
ЖЕНЩИН, КОТОРЫЕ ШИЛИ,
ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Холокост • ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Холокост. Правдивая история

Люси Эдлингтон

**Портнихи Освенцима.
Правдивая история женщин,
которые шили, чтобы выжить**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)6

Эдлингтон Л.

Портнихи Освенцима. Правдивая история женщин, которые
шили, чтобы выжить / Л. Эдлингтон — «Издательство АСТ»,
2021 — (Холокост. Правдивая история)

ISBN 978-5-17-158259-3

Во время Холокоста двадцать пять молодых заключенных концентрационного лагеря Освенцим были отобраны для создания и пошива модной одежды. В основном это были еврейские девушки. Они надеялись, что эта работа спасет их от газовых камер. Девушки работали в «элитной» мастерской на базе лагеря под названием «Верхнее ателье», основанной Хедвигой Хёсс – женой коменданта лагеря, которой покровительствовали жены охранников и офицеров СС. Они производили высококачественную одежду для дам высшего общества нацистского Берлина и для самих эсэсовцев. В «Портнихах Освенцима» историк Люси Эдлингтон рассказывает о подвигах этих отважных женщин и проливает свет на малоизвестную главу Второй мировой войны и Холокоста. Семейные и дружеские узы девушек не только помогли им пережить преследования, но и сыграли свою роль в лагерном сопротивлении. Автор опирается на множество источников, включая интервью с последней оставшейся в живых швеей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(100)»1939/45»
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-17-158259-3

© Эдлингтон Л., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Вступление	7
1. Одна из немногих	10
2. Единственная власть	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Люси Эдлингтон
Портнихи Освенцима. Правдивая история
женщин, которые шили, чтобы выжить

© Lucy Adlington 2021

© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается портнихам и их семьям

Вступление

– Трудно в это поверить, да?

Это едва ли не первое, что мне сказала миссис Когут, после того как ее гостеприимная и дружелюбная семья радушно приняла меня в ее доме. Вот она – низенькая, смышленная женщина в свободных брюках, блузке и бусах. У нее седые короткостриженные волосы и розовая помада. Ради нее я облетела половину земного шара – с севера Англии в скромный дом в холмистой местности неподалеку от Сан-Франциско, штат Калифорния.

Мы пожимаем руки. В этот момент история становится чем-то реальным, осязаемым – это больше не архивы, стопки книг, ткани и дизайны платьев, на которые я обычно полагаюсь при написании работ или создании презентаций. Я знакомлюсь с женщиной, которой удалось выжить в месте, ставшем синонимом ужаса.

Миссис Когут садится за покрытый кружевной скатертью стол и предлагает мне домашний яблочный штрудель. Наши беседы проходят в уютной атмосфере книг, букетов цветов, яркой керамической посуды, красивой вышивки и семейных фото на стенах. Первое интервью мы начинаем расслабленно, рассматривая журналы по пошиву одежды 1940-х годов, которые я принесла ей показать, затем изучаем стильное красное платье военных годов из моей собственной коллекции.

– Качественная работа, – говорит она, пробегая пальцами по декоративным фрагментам платья. – Очень элегантно.

Удивительно, как стремление красиво одеваться может объединять людей разных поколений, жителей разных континентов. За нашей любовью к стилю и мастерству пошива одежды стоит нечто куда более серьезное: много лет назад миссис Когут обращалась с тканью и одеждой в совершенно другом контексте. Она – последняя, оставшаяся в живых, портниха модного ателье в концлагере Освенцим.

Модное ателье в Освенциме? Само словосочетание звучит ненормально. Я была поражена, когда впервые увидела упоминание так называемого «Верхнего ателье», изучая связи Третьего рейха и модной индустрии для написания книги о международной торговле текстилем в военные годы. Очевидно, что нацисты осознавали, как важна одежда, и понимали, как именно ее использовать для отражения персонального статуса. Об этом свидетельствует привлечение ставшей узнаваемой формы на массовых публичных собраниях. Униформа – классический пример использования одежды для поддержания групповой идентичности и гордости, вызываемой принадлежностью к группе. Нацистская экономика и расовая политика были направлены на получение выгоды от модной индустрии, а награбленные средства использовались для финансирования вооруженных сил. Магда Геббельс, жена коварного министра пропаганды Гитлера, славилась своей элегантностью и была совершенно не против ношения сделанной евреями одежды, несмотря на то что евреям пытались ограничить доступ к мануфактуре. Эмми Геринг, жена рейхсмаршала Германа Геринга, щеголяла в краденых вещах, хотя утверждала, что не знает, откуда берется ее одежда. Ева Браун, любовница Гитлера, обожала моду настолько, что ее свадебное платье доставляли через горящий Берлин. (Кстати, за несколько дней до их с Гитлером самоубийства и капитуляции Германии.) На свадьбу Ева также надела туфли от *Ferragamo*¹.

И все же – модное ателье в Освенциме? Эта мастерская заключала в себе так называемые ценности Третьего рейха: качество привилегии и потворства своим желаниям в связке с мародерством, унижением и массовыми убийствами.

¹ *Nazi Chic*, Irene Guenther.

Ателье в Освенциме открыла Хедвига Хёсс – жена коменданта лагеря. И если само наличие модного ателье в лагере смерти не показалось вам достаточно гротескным, вы все поймете, когда узнаете, кто там работал: почти все швеи были еврейками. Их привезли туда нацисты, и, согласно «окончательному решению», в конце всех швей ждало уничтожение. К ним присоединились нееврейки – коммунистки из оккупированной Франции, которых тоже ждала смерть за сопротивление нацистам.

Эта группа стойких поработанных женщин моделировала, сшивала и вышивала платья фрау Хёсс и других эсэсовских жен – они создавали прекрасную одежду для тех, кто их даже за людей не считал; для жен тех, кто уничтожал евреев и политических противников нацистского режима. Для портних в Освенциме шитье было иллюзорной надеждой на спасение от газовых камер и печей.

Портнихи, благодаря создаваемым ими верным дружеским связям, таким образом противились попыткам нацистов унижить их и лишить человечности. Под шум швейных машинок эти женщины составляли планы сопротивления и даже побега. В этой книге – их история. Перед вами не художественное изложение событий, все происшествия и диалоги полностью основаны на показаниях, документах, материальных доказательствах и воспоминаниях, пересказанных членам семьи или мне лично, и подтверждены архивными документами.

Узнав о существовании ателье, я взялась за подробное исследование этого вопроса, вооруженная лишь базовой информацией и списком имен: Ирена, Рене, Браха, Катька, Гуня, Мими, Манси, Марта, Ольга, Алида, Марилу, Лулу, Баба, Боришка. Я уже почти отчаялась найти другую информацию, не говоря уже о полных биографиях портних, как вдруг мой роман для подростков, действие которого происходит в вымышленной версии этого ателье, привлёк внимание нескольких семей в Европе, Израиле и Северной Америке. Начали приходить электронные письма:

«Моя тетя была портнихой в Освенциме».

«Моя мама была портнихой в Освенциме».

«Моя бабушка возглавляла ателье в Освенциме».

Внезапно у меня появилась связь с семьями настоящих портних из Освенцима. Знакомство с их историями одновременно шокировало и вдохновило меня.

Поразительно, но одна из портних оказалась все еще жива и более чем открыта к общению – это уникальный свидетель, некогда находившейся в месте, отразившем всю жестокость нацистского режима. Миссис Когут, которой на момент нашей встречи было 98 лет, принималась рассказывать, прежде чем я успевала задать первый вопрос. У нее невероятный диапазон воспоминаний: от приятных с конфетами и орехами, подаренных в еврейский праздник Суккот, до трагичных, когда эсэсовец лопатой ломает шею ее однокласснице в Освенциме – за то, что она заговорила во время работы.

Миссис Когут показала мне фотографии себя в молодости. До войны она – подросток в опрятном вязаном свитере с цветком магнолии в руках. На послевоенном фото она в шикарном плаще в знаменитом стиле *New Look* Кристиана Диора. По фотографиям ни за что не догадаешься, какие ужасы перетерпела эта женщина в годы войны.

Нет ни одной фотографии из тысячи страшных дней, проведенных в Освенциме. Миссис Когут рассказывает, что каждый день она могла бы умереть тысячу раз. Она переходит от одного воспоминания к другому, перебирая пальцами кайму штанов, делая острые и прямые складки – выражение эмоций, обычно тщательно скрываемых. Английский – ее пятый язык, она выучила его за долгие годы, проведенные в США. Она с легкостью переходит с одного языка на другой, я изо всех сил стараюсь не отставать. У меня наготове ручка, тетрадь и длинный список вопросов. Миссис Когут тыкает в меня пальцем, пока я вожусь с записью видео на телефоне.

– А ты слушай! – приказывает она.

Я слушаю.

1. Одна из немногих

«Два года спустя я вошла в административное здание Освенцима, где раньше работала швеей по пошиву одежды для эсэсовских семей. Я работала по 10–12 часов в день. Я – одна из немногих, переживших ад Освенцима».

Ольга Ковач²

Обыкновенный день.

В свете двух окон несколько женщин с белыми платками на головах сидели, склонившись над длинными деревянными столами, обложенными тканью, и шили, стежок за стежком. Они находились в подвале. Небо за окнами не символизировало свободу. Для женщин это было убежище.

Их окружали все атрибуты процветающего модного ателье. На столах – скрученные сантиметры, ножницы, катушки ниток. Рядом – стопки рулонов всевозможных тканей. Повсюду разбросаны модные журналы и жесткая бумага для выкройки. Рядом с основным рабочим местом находилась закрытая примерочная для клиентов, – все под эгидой умной, талантливой Марты, которая до недавнего времени сама содержала успешный салон в Братиславе. Помогала Марте Боришка.

Швеи работали отнюдь не в тишине. На множестве языков – словацком, немецком, венгерском, французском, польском – они говорили о работе, родных домах, семьях... иногда даже шутили. В конце концов, почти все они были молоды – девушки чуть младше или старше двадцати. Самой младшей было четырнадцать. Все звали ее Курочкой, потому что она всегда прыгала по салону, поднося кому-то булавки или заматывая обрезанные нити.

Подруги работали вместе. Были Ирена, Браха и Рене, все из Братиславы, и сестра Брахи Катька, она шила утепленные шерстяные пальто для клиентов, даже когда у нее самой от холода едва двигались пальцы. Баба и Лулу – еще две швеи, близкие подруги, одна серьезная, другая любила пошутить. Гуня, женщина 30 с чем-то лет, была для всех и подругой, и неким подобием матери, и вообще сильной женщиной. Ольга, почти ровесница Гуни, казалась девушкам помладше старухой.

Все они были еврейками.

Вместе с ними работали две французские коммунистки: мастерица по изготовлению корсетов Алида и участница сопротивления Марилу. Их арестовали и депортировали за сопротивление нацистской оккупации в их родной стране.

Всего работало 25 женщин. Когда одну из них снимали с работы и больше она не появлялась, Марта быстро находила ей замену. Она хотела, чтобы как можно больше женщин-заключенных обрели надежду на спасение. В этой комнате их звали по именам. За ее пределами у них имен не было, только номера.

Работы портнихам всегда хватало. Огромная черная книга заказов была настолько заполнена, что очередь расписывалась на полгода вперед, и высокопоставленные лица в Берлине не были исключением. В приоритете стояли местные клиенты, в частности женщина, учредившая салон, – Хедвига Хёсс. Жена коменданта Освенцима.

Однажды из подвального ателье раздался крик ужаса и ощутился запах паленой ткани. Катастрофа. Одна из портних разглаживала платье, но утюг оказался слишком горячим и прожег ткань. След был прямо спереди, спрятать его было невозможно. Клиентка должна была

² Ольга Кованова, урожд. Ковачкова (Ковач), напечатанные воспоминания, адресованные доктору Лор Шелли. Архив Лор Шелли, Тауберская библиотека Холокоста.

прийти на примерку на следующий день. Провинившаяся портниха сходила с ума от страха, плакала:

– Что же нам делать, что же нам делать?

Другие прекратили работу, проникшись ее страхом, ведь дело было не просто в испорченном платье. Клиентами модного салона были жены высокопоставленных лиц в эсэсовском гарнизоне Освенцима. Жены мужчин, известных жестокими избиениями, пытками и массовыми убийствами. Мужчин, которым была подвластна жизнь каждой женщины в этой комнате.

Марта, главная, спокойно осмотрела повреждения.

– Знаешь, что мы сделаем? Уберем отсюда этот слой и вставим новую ткань. Только быстро...

Все принялись за дело.

На следующий день жена эсэсовца пришла на примерку в салон. Она надела платье и с удивлением осмотрела себя в зеркале.

– Что-то я не помню, чтобы дизайн был таким.

– Конечно, так и было, – ответила Марта весьма убедительно. – Ну, разве не красота? Это новый стиль...³

Катастрофы удалось избежать. На этот раз.

Портнихи с облегчением вернулись к работе, стежок за стежком, в надежде, что проживут еще один день в Освенциме.

Лица, которые создали ателье в Освенциме, несли также ответственность за тяжелые перемены в жизни портних. Двадцатью годами ранее, когда портнихи были еще детьми, невозможно было себе представить, что скоро наступит будущее, в котором будет бушевать индустриализированный геноцид, а в его эпицентре создаваться одежда от кутюр.

В детстве наш маленький мир состоит из деталей и ощущений. Например, как шерстяная ткань щекочет кожу, как замерзшие пальцы пытаются застегнуть непослушную пуговицу, как интересно из дыры в штанине на коленке вытягивается нить. Сначала наш мир ограничен стенами родительского дома, затем он расширяется до соседских улиц, полей, лесов, городских пейзажей. Предсказать, что случится в будущем, естественно, невозможно. Со временем от прошедших лет остаются лишь обрывки воспоминаний.

Ирена Рейхенберг родилась 23 апреля 1922 года в Братиславе, красивом чехословацком городе на побережье Дуная, всего в часе езды от Вены. За три года до ее рождения провели перепись, показавшую, что население города в основном состоит из немцев, словаков и венгров. С 1918 года существовало новое Чехословацкое государство, но еврейское сообщество, составляющее почти 15 тысяч человек, было сосредоточено в одном квартале города, в нескольких минутах ходьбы от северного берега Дуная.

Центром еврейского квартала была Юденгассе. Иначе – «Еврейская улица». До 1840 года евреи были сегрегированы от остального города на одну покатуую улицу в Братиславе, которая была частью местного замка. Ворота на обоих концах по ночам запирались и охранялись муниципальными надзирателями, что создавало в гетто дорогу и наглядно показывало – евреи отделены от остальных жителей Братиславы.

В последующие десятилетия антисемитские законы ослабли, что позволило наиболее состоятельным еврейским семьям переехать с этой улицы в центр города. Некогда гордые барочные здания Еврейской улицы разделили на тесно набитые многоквартирные дома для больших семей. Несмотря на то что район считался довольно дешевым, мощеные улицы всегда были чистыми, а в магазинах всегда хватало покупателей. Там жило дружное и тесное сообще-

³ Интервью автора с Брахой Когут, ноябрь 2019 года.

ство, где все друг друга знали. Все знали, кто и чем занимается. Местные жители чувствовали себя по-настоящему дома.

«Это был самый счастливый период моей жизни. Я там родилась, я там выросла, я там была с семьей», – Ирена Рейхенберг⁴.

Детям на Еврейской улице жилось хорошо, они бегали друг к другу в гости, играя, не давали людям прохода на дорогах и тротуарах. Ирена жила в угловом доме под номером 18, на втором этаже. В семье Рейхенбергов было восемь детей. Как всегда происходит в больших семьях, у братьев и сестер формировались особые отношения, в частности некая отдаленность между самым старшим и самым младшим. Один из братьев Ирены, Армин, работал в магазине сладостей. Со временем он переехал в Палестину, тогда находившуюся под британским мандатом, и травма Холокоста не коснулась его напрямую. Ее другой брат, Лаци Рейхенберг, работал в еврейской оптовой компании по продаже ткани. Он женился на молодой словачке по имени Турулка Фукс.

Никто в семье Ирены не думал о войне. Надеялись, что ужасы прекратились с перемирием 1918 года и образованием нового государства, Чехословакии, где евреи считались гражданами. Сама Ирена была слишком юной, чтобы оценить мир за пределами еврейского квартала. Ей, как и большинству девочек в то время, предстояло обучиться выполнять работу по дому и запланировать брак по примеру старших сестер. За Катариной, или Кете, как все ее звали, ухаживал красивый молодой человек по имени Лео Кон; Иоланда – Йолли – вышла замуж за электрика Белу Гроттера в 1937 году. Следующей замуж вышла Фрида и стала Фридой Федервайс, и с родителями остались только Ирена, Эдит и Грете⁵.

Содержание огромной семьи лежало на плечах отца Ирены, Шмуэля Рейхенберга. Шмуэль был сапожником, одним из многочисленных мастеров на Еврейской улице. О мастерстве и бедности сапожников ходили легенды еще с древних времен. Была какая-то магия в работе Шмуэля: как он вырезал куски кожи и придавал им нужную форму с помощью деревянной колодки, зашивал швы нитями, смазанными воском, заботливо забивал каждый гвоздик, склонялся над работой с раннего утра до позднего вечера, и все это без помощи техники. Денег было мало, продажи не всегда удавались. Для многих жителей Еврейской улицы новые ботинки (или даже починка старых) были непозволительной роскошью. В тяжкие межвоенные годы многие бедные люди либо стали боссяками, либо с помощью ткани привязывали к стопам поломанную обувь.

Если отец Ирены был главным добытчиком, то ее мать, Цвия (Цецилия), держала на себе все домашние дела. Ее рабочий день выходил длиннее, чем у мужа. Работа по дому была изнурительной, безо всякой техники и прислуги, помогали только дочери. Цвия ждала ребенка каждые два года, и с каждым рождением в семье появлялся еще один голодный рот, не говоря уже о дополнительной стирке и уборке. Несмотря на то, что денег в семье было мало, а людей много, Цвия изо всех сил старалась сделать так, чтобы каждый ребенок чувствовал себя особенным. Однажды на день рождения маленькая Ирена получила подарок: целое вареное яйцо, которым можно было ни с кем не делиться. Она была в восторге от подарка, об этом чуде узнали все ее друзья на Еврейской улице.

Одной из подруг была девочка из ортодоксальной еврейской семьи – Рене Унгар. Отец Рене был раввином, мать – домохозяйкой. Рене была спокойной и умной девушкой, на год старше Ирены и, в отличие от подружки, вовсе не была стеснительной⁶. Когда ей было семь лет,

⁴ Интервью Ирены Канка. Фонд Шоа, перевод выполнен сыном Ирены, Павлом Канкой. Музей еврейской культуры (часть Словацкого национального музея) теперь находится по адресу Еврейская улица, дом 17, напротив старого дома Ирены. Там располагается постоянная выставка иудаики, цель которой – сохранить память о еврейском квартале, некогда полном жизни.

⁵ Кете Кон, урожд. Рейхенберг, родилась 18 июля 1917 года; Фрида родилась 18 мая 1913 года и вышла замуж за Золтана Федервайса; Эдит родилась 24 мая 1924 года.

⁶ Мать Рене звали Эстер, отца – Симха. Она была старшим ребенком, после нее родились брат Шмуэль и сестры Гита и

она познакомилась с храброй девочкой, которая стала ей подругой на всю жизнь. Это была Браха Беркович.

«Нам там было хорошо», – Браха Беркович.

Браха родилась и провела детство за городом, в деревне Чепе в Карпатской Рутении. Эта территория находилась вдалеке от главного индустриального центра Чехословакии, и местные жители в основном занимались земледелием. Провинциальные города и деревни отличались собственными диалектами и традициями, а также уникальными ткацкими узорами.

Детство Брахи прошло в Татрах, на фоне будто бы бесконечных гор, плавно перетекающих в поля клевера, ржи, ячменя и зеленых хвостиков сахарной свеклы. На полях работали группы девушек в рубашках с пышными рукавами, широких многослойных юбках, с яркими платками на головах. Гусиные пастушки ухаживали за птицами, рабочие вспахивали землю, собирали колосья и урожай. Летом носили светлую хлопковую одежду с узорами – шахматная клетка, полосы, цветочки. Зимой носили вещи из плотной дмотканой ткани и шерсти. Темная одежда выделялась на снегу. Головы оборачивали теплыми шальями с бахромой, завязывая либо под подбородком, либо сзади. Из-под теплой верхней одежды проглядывали яркие цветочные принты.

Последующая жизнь Брахи была тесно связана с одеждой, как, собственно, и ее рождение. Ее мать Каролина была вынуждена заниматься стиркой даже на поздних сроках беременности. В Карпатах женщины вставали до восхода солнца, брали связки одежды и тут же отправлялись к реке, где вставали босиком в холодную воду и принимались за стирку, а дети тем временем играли на берегу. Остальное стирали дома – наполняли ванны мыльной водой, натирали грязное на досках, выжимали мозольными руками, развешивали на веревках для сушки. Одним холодным дождливым днем мать Брахи Каролина поднималась на стремянку, чтобы развесить тяжелую постиранную одежду под карнизом на крыше, и почувствовала первые схватки. Было 8 ноября 1921 года. Каролине всего девятнадцать. Ей предстояли первые роды⁷.

Браха родилась в доме бабушки с дедушкой. Хоть маленький домик был набит людьми, согревала его лишь одна глиняная печь, а воду надо было набирать насосом, Браха запомнила детство там как рай на земле⁸.

Ее воспоминания такие счастливые, потому что в их семье царила любовь, несмотря на некоторые особенности⁹. Брак ее родителей организовала местная сваха, что довольно часто происходило в Восточной Европе в то время, и это был успешный союз двух способных и добросовестных людей. Саломон Беркович родился глухонемым и изначально должен был стать женихом старшей сестры Каролины, но та отвергла его из-за инвалидности. Восемнадцатилетняя Каролина с радостью заняла место сестры – слишком уж хотела увидеть себя невестой в белом платье.

«Они всеми силами старались, но жизнь была тяжелой», – Браха Беркович.

Иегудит. Иудейским именем Рене было Шошана.

⁷ При рождении Браха получила имя Берта, которое со временем смягчилось в «Браху», или Брошку, или Чепу на идиш. Это несмотря на то что ее бабушка по материнской линии, погруженная в венгерскую культуру, хотела, чтобы девочке дали венгерское имя Хайналь, что означает «рассвет». Однако дедушка по отцовской линии выбрал имя Берта, потому что в районе Чепы жила богатая еврейская семья по фамилии Фаркаш, что означает «волк», а у отца семейства Фаркашей была дочь Берта. Поэтому дедушка Беркович объявил: «Раз это имя хорошо для них, оно и моей внучке подойдет». Иудейское имя Брахи – Хайя Браха, то есть «жизненное благословение» (из неопубликованной беседы).

⁸ Хлеб готовили дома, овощи выращивали рядом на улице. Осенью люди босиком танцевали в бочках капусты, выжимая таким образом сок и готовя овощи к маринованию. Другие витамины зимой получали из фруктового варенья и моркови, хранившейся в соломе – дети пробирались в погреб, чтобы тайком ее погрызть. Каждая семья самостоятельно себя обеспечивала. Жизнь была нелегкой.

⁹ Дедушка Брахи, Игнац, вернулся с Великой войны с расшатанной психикой – он часто приходил в ярость и пытался найти утешение в алкоголе. А вот бабушка Брахи, Ривка, воспитавшая в одиночку во время войны пятерых детей, была женщиной мягкой и терпеливой. Но они оба были людьми честными и трудолюбивыми, и эти качества унаследовал Саломон, отец Брахи.

Вскоре после свадьбы у Каролины и Саломона стали появляться детишки. За быстрым рождением Брахи последовали Эмиль, Катарина, Ирена и Мориц. В доме было так мало места, что Катарину – Катьку – отправили жить с бездетной тетей Генией до шести лет. Хотя у Брахи были близкие отношения с Иреной, неразрывная связь Брахи с Катькой только усилилась, когда они обе оказались в Освенциме. Верность сестер друг другу привела их в сравнительно безопасное «Верхнее ателье»¹⁰.

Мир детства Брахи был наполнен запахом халы – хлеба, выпекаемого на шабат, – хрустящей мацой, посыпанной сахаром, печеными яблоками, которые она ела с тетей Сереной в доме, полном всяких безделушек и платочков. Именно шитье помогло Брахе увидеть жизнь за пределами родной деревни. А точнее – портняжное дело.

Саломон Беркович был невероятно талантливым портным, настолько, что его взяли на работу в фирму высокого статуса под названием «Покорный» в Братиславе. Его швейную машинку перевезли из Чепы в большой город, и со временем Саломон обзавелся несколькими постоянными клиентами, работая из дома на Еврейской улице. А также он был ассистентом, помогающим делать починку и вносить небольшие изменения. Вскоре бизнес расширился, Саломон нанял трех сотрудников – все были глухонемые – и взял в ученики Германа, дядю Брахи. Каждый год он ездил в Будапешт на различные мероприятия в модных салонах, демонстрирующих последнее слово в мире мужской моды.

Успехом предприятия Саломон был во многом обязан помощи Каролины – она переехала с ним в Братиславу, взяла на себя роль посредника между мужем и клиентами и помощницы в примерках. Маленькая Браха твердо решила, что дома не останется, и пролила достаточное количество слез, чтобы мать сдалась и разрешила ей поехать в Братиславу с ними.

Для девочки из деревни поездка на поезде была настоящим приключением – любоваться красивыми пейзажами за окном, наблюдать за другими пассажирами и мечтать. В поезде висели таблички на чешском, словацком, немецком и французском, что подчеркивало, насколько многонациональной была Чехословакия. Из окон вагона открывался потрясающий вид на природу. Поезд вез их в прекрасный новый мир.

Братислава была зеленым городом, полным деревьев, новой архитектуры, занятых покупателей, родителей с колясками, повозок с лошадьми, тележек, автомобилей и электропоездов. Грузовые баржи на Дунае, маленькие буксиры и пароходы проплывали по тихой воде. Квартира на Еврейской улице показалась Брахе настоящим чудом по сравнению с деревенской жизнью в Чепе. Дома был водопровод – воду не надо было набирать в ведро с помощью насоса. Вместо масляных ламп комнату освещали электрические лампочки, а чтобы они зажглись или погасли, было достаточно нажать на выключатель. Главным чудом был сливной туалет внутри дома. Но ничто не могло сравниться с возможностью завести новых друзей. Девочки, с которыми она познакомилась в Братиславе, впоследствии прошли с ней тяжелейшие военные годы.

«Мне нравилось все, все, все... Мне нравилось ходить в школу», – Ирена Рейхенберг.

Браха познакомилась с Иреной Рейхенберг в школе. Образование было чуть ли не важнейшим элементом еврейской жизни, какой бы бедной семья ни была. В Братиславе хватало школ и училищ. По одежде на фотографии учениц еврейской ортодоксальной школы 1930 года видно, как семьи гордились ребенком-школьником, даже если от этого приходилось сильно экономить. Поскольку фото было сделано в особенный день, некоторые девочки были в белых носочках и ботинках, хотя обычно они носили грубоватые кожаные сапоги, куда более подходящие для игр. Многие девочки в простых прямых платьях – их легко шить, и они не требуют особого ухода. Некоторые – в более модных платьях с кружевом или накрахмаленными воротничками.

¹⁰ Иудейским именем Катьки было Това Ципора, то есть «хорошая птица». Това на идише – Гитль, поэтому семья ласково звала ее Гиту. Она родилась в 1925 году.

В 1920-х годах была мода на каре и традиционные косы. Школьной формы не было, поэтому модные тренды иногда давали о себе знать. В один год были очень популярны большие воротнички с рюшками из тонкой ткани либо плиссированной, либо с оборками. Девочки соревновались, кто наденет больше воротничков за один раз. Победила девочка по имени Перла, рюшкам нежного муслина которой завидовали все. Счастливые деньки.

Уроки в начальной школе для ортодоксальных еврейских девочек преподавались на немецком. Этот язык понемногу выходил на первый план в Чехословакии. Сначала Брахе было трудно влиться в коллектив – она ведь только-только приехала в город, да и говорила в основном на венгерском и идиш; но вскоре она привыкла и подружилась с Иреной и Рене. Все девочки говорили на нескольких языках, иногда начиная предложение на одном и заканчивая на другом.

После школы дети еврейского квартала бегали по улицам и лестницам, играли в салочки, прятки, мячик – во что угодно. Во время летних каникул ребята из бедных семей, которые не могли позволить себе путешествия, собирались у Дуная поплавать в неглубоком бассейне рядом, или ходили играть в парк.

Несмотря на все это веселье, Браха скучала по друзьям в деревне. Когда ей было 11, ей удалось убедить родителей отпустить ее на лето в Чепу. Надеясь произвести впечатление независимой девушки из большого города, Браха заранее запланировала наряд, куда более изысканный, чем те, что она обычно носила в Братиславе. Она надела бежевое платье, подаренное богатой подругой, красный лаковый кожаный пояс, блестящие черные ботинки из кожи и соломенную шляпку с цветной лентой, и с гордостью отправилась в путешествие на поезде одна.

Эти воспоминания кажутся нелепыми в контексте приближающихся страданий войны, но это единственное, что у нас нельзя отнять, когда свобода и элегантность навсегда остаются в старом мире.

«Это прекрасные, чудесные воспоминания», – Ирена Рейхенберг.

Лучшую одежду откладывали на шабат и другие священные дни. Еврейские семьи следовали древним ритуалам, которые были всем известны с детства, от угощения яблоками с медом в праздник Рош ха-Шана до поедания пресного хлеба и горькой зелени на Седер Песах. Когда наступали еврейские праздники, это означало, что скоро будут резать жирных гусей, жарить кукурузу и варить куриный суп. Ирене нравилось, когда большая семья собиралась вместе для произнесения молитвы и благословений, и дом наполнялся любовью и теплом.

Каждый шабат в домах на Еврейской улице готовили свежую халу. Браха всегда мастерски плела косичку из теста. Тесто месили дома и приносили в местную пекарню, где ставили в печь. Женщины прибирались дома и надевали белые фартуки перед зажиганием субботних свечек. Хотя по закону в шабат работа запрещалась, – в том числе работа с тканями, то есть краска, ткачество, вышивка – кормить семью все-таки надо было. Мать Брахи каким-то образом находила время и силы на приготовление печенья с корицей и топфенкнеделей – жареных творожных шариков, популярных даже в дорогих венских кафе.

Свадьбы были главным событием в жизни семьи. Когда один из помощников Саломона Берковича сказал, что его сестра выходит замуж за дядю Брахи, сапожника Енё, Браха получила редкий шикарный подарок: платье из магазина. Желая во всем походить на отца, вечно работающего с одеждой у себя в магазине, Браха решила самостоятельно разгладить очаровательное платьице в моряцком стиле. Все приготовления к празднику пришлось прервать, когда домочадцы почувствовали неприятный запах: платье сожгли.

Маленькой Брахе пришлось надеть на свадьбу старое платьице, что казалось ей настоящей катастрофой. Много лет спустя, когда прожгли платье на гладильной доске в освенцимском ателье, а мудрая Марта спокойно устранила проблему, детское воспоминание Брахи приобрело другой смысл, стало теплым. Браха вспомнила, как невесту дяди Енё одевали в комнате, а потом – как музыка граммофона переместила их в чудесное местечко с бумажными укра-

шениями и лампочками, освещающими маленькое деревце в горшочке. Когда воспоминание растворилось, Браха снова обнаружила себя в «Верхнем ателье», обслуживая нацистов.

«Мы в первую же секунду поняли – мы должны быть вместе», – Рудольф Хёсс.

Свадьба дяди Брахи сильно отличалась от церемонии бракосочетания, проведенной в Германии 17 августа 1929 года на ферме в Померании, в часе езды к югу от Балтийского моря. Годами позже эта невеста сильно повлияет на жизнь Брахи, хотя даже не узнает ее имени.

В брак вступал бывший военизированный наемник по имени Рудольф Хёсс. Вскоре после выхода из тюремного заключения – он отбывал срок за убийство – Хёсс сыграл свадьбу с Эрной Мартой Хедвигой Хенсель (все звали ее Хедвигой), которой тогда был 21 год.

«Мы поженились, как только появилась возможность, чтобы поскорее начать непростую совместную жизнь», – так писал Рудольф в мемуарах¹¹. Неловкости ситуации прибавляло то, что Хедвига уже была беременна первым ребенком, Клаусом, которого они зачали вскоре после знакомства.

Молодые познакомились через брата Хедвиги, Герхарда Фритца Хенселя, это была та самая любовь с первого взгляда: роман убежденных идеалистов, преданных молодому сообществу под названием *Artman Bund*, то есть «общество артаманов». Это было народное движение, его приверженцы жаждали простой жизни, построенной вокруг концептов экологии, фермерской работы и самодостаточности. Основным принципом было здоровое развитие тела и разума, под запретом находились алкоголь, никотин, и, что иронично для новобрачных, секс вне брака. Рудольф и Хедвига чувствовали себя как дома среди, как это обозначил Рудольф, «общества молодых патриотов», желающих вести естественный образ жизни¹².

Расовые теории народного движения прекрасно сочетались с идеей «крови и почвы» правых сторонников концепции *Лебенсраума*, разрекламированной в грандиозном манифесте Адольфа Гитлера «Майн кампф»: Германии надо расширить восточные границы, чтобы превратить в жизнь мечту об аграрно-индустриальном рае, доступном лишь тем, в чьих жилах текла чистая немецкая кровь.

Хедвига была преданна этим идеям не меньше мужа, ей не терпелось взяться за возделывание собственной земли, как только она будет им отведена. Но они были не простыми пассивными крестьянами. Рудольфа назначили артаманским региональным инспектором. Год спустя он – уже во второй раз – встретился с Генрихом Гиммлером. Они познакомились в 1921 году, когда Гиммлер еще был амбициозным студентом и изучал агрономию. Оба стали страстно преданными членами Национал-социалистической немецкой рабочей партии Гитлера. Они обсуждали проблемы Германии. Гиммлер считал, что единственным ответом на городскую безнравственность и расовое ослабление может быть лишь завоевание новых территорий на востоке¹³. Дальнейшее сотрудничество Хёсса с Гиммлером повлекло за собой боль и страдания миллионов евреев.

Тем временем в Братиславе, казалось бы, вдалеке от амбиций артаманов и нацистов, евреи вели привычный образ жизни до 1930-х годов. На свадьбы и праздники собирались огромными семьями – отличная возможность пообщаться с теми родственниками, которые живут далеко, и познакомиться с мириадами новых. Внутрисемейные связи были довольно сложными. Все каким-то образом были друг с другом связаны. И, что немаловажно, всем это казалось нормальным. Поэтому, когда старший брат Ирены, Лаци Рейхенберг, женился на Туруле Фукс – ее также звали Турулкой. Вполне ожидаемо, что ни у Ирены, ни у Брахи не возникло никаких сомнений, только радость за молодоженов.

¹¹ *Death Dealer: The Memoirs of the SS Kommandant of Auschwitz*, Rudolf Höss.

¹² Доктор Виллибальд Хенсель основал общество артаманов в 1923 году, взяв за основу идею обновления немецкой расы с помощью переселения молодых людей, разочаровавшихся в городской жизни, в сельскую местность. В годы третьего рейха артаманы стали частью нацистской партии.

¹³ *Hanns and Rudolph*, Thomas Harding.

Но никто и представить не мог, насколько значительной окажется эта связь.

У Турулки Фукс была сестра по имени Марта.

Умная и способная Марта Фукс была всего на четыре года старше Ирены и Брахи, но эти четыре года в их глазах делали ее уже взрослой по сравнению с ними¹⁴. Семья Марты происходила из Мошонмадьяровара, который теперь является частью Венгрии. Ее мать звали Розой Шнейдер, отца – Дезидером Фуксом, Дежё по-венгерски. Великая война еще даже не близилась к завершению, когда Марта родилась – 1 июня 1918 года. Роза с Дезидером переехали в Пезинок – деревню, которая находилась достаточно близко к Братиславе, чтобы Марта могла посещать местное училище, где изучала искусство¹⁵. Закончив школу, Марта пошла в портнихи, пройдя обучение у А. Фишгрундовой с сентября 1932 года по октябрь 1934 года, после чего проработала в Братиславе вплоть до депортации в 1942 году.

8 июля 1934 года дедушка с бабушкой Марты, Шнейдеры, праздновали пятидесятилетнюю годовщину свадьбы в Мошонмадьяроваре. Марта с сестрами и родителями тоже присутствовали на празднике.

В 1934 году Марта была в Братиславе, заканчивала двухгодичные швейные курсы. В том же 1934 году Рудольф Хёсс вступил в СС. Совсем другое карьерное продвижение.

После многих раздумий и поисков себя он пришел к выводу, что мечту о земледельческой идиллии с артаманами придется сдвинуть на второй план. Гиммлер убедил его, что его таланты лучше применить на более масштабной арене, продвигая цели национал-социализма. Рудольф принял первую позицию в концлагере Дахау, недалеко от Мюнхена. Его задачей якобы было «переобразование» тех, кто угрожал новому нацистскому режиму.

Его жена Хедвига безропотно перебралась в дом для эсэсовских семей за границей лагеря с тремя маленькими детьми – Клаусом, Гайдетраутом и Инге-Бригиттой. Несмотря на переворот, политически Хедвига оставалась преданной национал-социалистическим идеям, поэтому ничего против новой работы мужа не имела. Он ведь всего лишь работал охранником «врагов народа». Перед рождением следующего ребенка, Ханса-Юргена, Хедвига попросила сделать кесарево сечение, чтобы долгие роды не помешали ей послушать важную майскую речь Гитлера в Берлине¹⁶.

В 1934 году Браха Беркович была далека от политической ситуации в Берлине, даже от разговоров об этом в Братиславе. Как-то во время Рош ха-Шана она заболела. Диагноз – туберкулез. Ее перевели в новый санаторий для больных туберкулезом в Вышних Хагах, в Высоких Татрах. Она провела там два долгих года, вдали от родных. За это время она узнала много нового о мире. Она выучила чешский, привыкла есть некошерную еду, даже получила первый в жизни подарок на Рождество – чудесное новое платье. Она любовалась светящейся зеленой елкой, установленной в санатории.

Несмотря на этот новый опыт, Браха по-прежнему мало знала о мире. На чердаке санатория она нашла игрушки и одежду, оставленные прежними пациентами, и решила отправить

¹⁴ Женские фамилии в словацком часто заканчиваются суффиксом «-а» или «-ова», то есть Фукс – это Фуксова (Фухсова). Однако в английском принято опускать суффиксы в фамилиях, что я и сделала в этой книге с главными действующими лицами, в том числе с Мартой Фукс.

¹⁵ Марта обожала читать и слушать музыку, она брала уроки пианино у друга семьи Эугена Сухоня, родом из Пезинка; его впечатляющая опера 1940-х годов «Водоворот» (словацк. *Krúňava*) утвердила его в звании величайшего словацкого композитора.

¹⁶ *Das Erbe des Kommandanten*, Rainer Höss. Кесарево сечение выполнил доктор Карл Клауберг. Клауберг присоединился к Хёссу в Освенциме, он работал в печально известном блоке № 10, где на женщинах проводились садистские «медицинские» эксперименты, в том числе насильственная стерилизация. Блок № 10 находился в главном лагере Освенцима, рядом с блоком № 11, куда заключенных отправляли на казнь. Медсестра Мария Штормбергер дала показания на послевоенном суде Клауберга. Она присутствовала на последних родах Хедвиги 20 сентября 1943 года – тогда родилась маленькая Аннегрет. Как станет известно, сестра Мария была активна в подпольной деятельности Освенцима и имела связи с Мартой Фукс.

это родственникам в Братиславу. Она взяла в охапку, что смогла, – туда попали йо-йо и плюшевый мишка с дыркой в животе – и отправилась в местное почтовое отделение, уверенная, что каким-то образом посылка прибудет в пункт назначения. Сотрудник отделения заботливо все упаковал и адресовал посылку.

Из-за проведенного в санатории времени, по возвращении в Братиславу, Браха на год отстала от Ирены и Рене. Все девочки продолжили учиться, готовясь к взрослой жизни и работе. Из-за финансовых трудностей многим детям с Еврейской улицы приходилось бросать школу в 14 лет и обучаться какому-то мастерству. Работы делились по половому признаку. Девочки, как правило, становились секретаршами или в той или иной форме работали с текстом, зарабатывая, чтобы содержать себя до свадьбы и рождения собственных детей.

Ирена поступила в коммерческий колледж, которым управляли карпатские немцы. Рене проходила курсы стенографии и бухгалтерии. Сначала Браха пошла на секретарские курсы в Католической школе Нотр-Дам. Поскольку Браха, согласно грубым расовым стереотипам, набирающим популярность, «выглядела как христианка» на школьном фото 1938 года, сделанном в честь выдачи дипломов, ее поместили в самый центр. Однако внешний вид никак не мог уберечь ее от распространяющихся предрассудков и приближающейся сегрегации в Европе.

Уже будучи подростками, девочки начали осознавать, какая напряженная атмосфера воцарялась дома и за границей. Нацистская антиеврейская идеология Германии подлила масла в огонь – в Чехословакии и так нарастали антисемитские настроения. Нацисты укрепляли свою власть, новости по радио становились все мрачнее. Газета *Prager Tagblatt* публиковала последние международные новости. Как реагировать на эти новости – уже вопрос.

Могли ли еврейские семьи позволить себе бездействие и надеяться, что уровень жестокости по крайней мере не будет расти? Задуматься об отъезде из города и поиске убежища – это паника или разумный ход? Более того, может, стоит задуматься об отъезде из Европы, совершить алию¹⁷ и проделать путь в Палестину?

Ирена и Браха присоединились к сионистским молодежным группам. Отчасти – ради веселья и новых знакомых; мальчики с девочками начинали дружить, дружба иногда перерастала в нечто большее. У такого общения также была высокая цель: подготовка к работе в кибуце. Браха с Иреной состояли в сообществе «Молодая гвардия». Также Ирена принадлежала к левой группе «Якорь», члены которой планировали эмигрировать в Палестину в 1938 году и работать в кибуце. Болезнь и внезапная смерть матери в том же году, вкупе с нехваткой денег на билеты, помешали исполнению ее планов.

Браха также присоединилась к группе «Мизрахи». Именно на одной из встреч мизрахим Браха завела новую дружбу. Еще одна ниточка в паутине, где вскоре сплелись бесчисленные жизни. Она подружилась с милой девушкой по имени Шошана Шторх.

Семья Шошаны приехала из Кежмарока, города на востоке Словакии. Хоть город и находился в Татрах, вдалеке от больших городов, как Братислава и Прага, в Кежмароке все же была заметна некая элегантность. Благодаря рядам липовых деревьев улочки с магазинами походили скорее на бульвары, чем на простые дороги; каменные арки отбрасывали тени на мощеные аллеи, ведущие к красивым дворикам и старым колодцам¹⁸.

Дом Шторхов находился у одного из колодцев. Летом можно было играть на участке перед домом. Зимой дом согревал семейный очаг – большая печь с керамической облицовкой. Рядом с домом был сарай, где часто бегали крысы, поэтому при входе надо было громко хлопнуть. В учебные дни все семь детей Шторхов рассаживались на лестнице, смеялись и шутили:

¹⁷ Алия – репатриация евреев в Государство Израиль (прим. ред.)

¹⁸ Фотограф и оператор Роман Вишняк сделал несколько прекрасных фотографий евреев в Центральной и Восточной Европе перед депортациями, среди прочих есть черное-белая фотография молодых евреек в Кежмароке. У одной девушки длинные косы, как у Брахи, у остальных взъерошенные короткие волосы. На девушках – разные пальто, ботинки с ремешком и чулки «гармошкой». Лица у всех светлые; имена и судьбы девушек неизвестны.

Дора, Гуня, Тауба, Ривка, Авраам, Адольф, Нафтали и Шошана. Часто были проблемы с деньгами, но благодаря дедушкиной помощи дети никогда не оставались без обуви, а в подвале всегда были запасы на зиму, в том числе мешки угля и картофеля.

Сама Шошана бежала из Чехословакии в Палестину, пока была такая возможность, как и ее родители, и некоторые братья и сестры. Но ее старшая сестра Гермина – также известная как Гуня – не смогла выбраться из Европы; ей предстояло объединить усилия с Брахой, Иреной и Мартой.

«Тогда я и представить не могла, насколько важным окажется мой выбор профессии», – Гуня Фолькман, урожд. Шторх.

Гуня родилась 5 октября 1908 года. В том же году родилась Хедвига Хенсель-Хёсс¹⁹. Шить ее научила мама, Ципора. Особенно хорошо Ципоре давалась вышивка, которую все невесты жаждали себе в приданое. Будучи замужем за мужчиной с ограниченными финансами, бабушка Гуни была вынуждена продать свое приданое, чтобы прокормить семью. Дома же Гуню научили пользоваться швейной машинкой.

Регистрационная карточка Гуни из концлагеря за 1943 год содержит ее параметры: рост – 165 см, карие глаза, каштановые волосы. Нос – прямой. Стройная, круглое лицо, средние по размеру уши. Никаких особых примет, криминальное прошлое отсутствует²⁰. Конечно, такое описание ничего не говорит о ее, бесспорно, горячем характере. Она была волевой девушкой, наделенной щедростью и состраданием.

Такой характер не давал Гуне просто заниматься школьными делами. Она хотела стать швеей. Чтобы стать профессиональной портнихой, нужны были стойкость, страстность и годы тренировок. Занятие не для мечтательниц и дилетанток. Сначала надо было усвоить основы, а потом уже браться за развитие своего таланта. Гуня записалась в ученицы к лучшей портнихе в Кежмароке. Где же еще обучаться этому мастерству? Целый год она подбирала булавки, убиралась в мастерской, бегала по делам, параллельно тихо наблюдая и запоминая, как опытные швеи превращают ткань в одежду.

Выкройка, вырезка, строчка, глажка, примерка, финальные штрихи... на каждой стадии требовались особые навыки, и Гуня была намерена их у себя развить. У нее хватало забот, несмотря на то, что она была всего лишь ученицей. Дома она заглатывала ужин и усаживалась работать за мамину швейную машинку *Bobbie* чуть ли не до утра, чиня и делая новую одежду для семьи и друзей. За следующие два года в кежмарокском салоне она набралась достаточно опыта, чтобы ее взяли в известную швейную школу за рубежом – следующий шаг в профессиональном развитии. Ее ждала типичная жизнь проходящей обучение швеи: 10–12 часов работы в темном и душном ателье, шесть дней в неделю. Гуня была к этому готова.

Пока артамены и национал-социалисты в Германии обсуждали продвижение на восток для достижения их политических идеалов, в конце 1920-х годов Гуня решила отправиться на запад, чтобы продолжить обучение швейному делу в Лейпциге.

Подростками ни Ирена, ни Браха, ни Рене не чувствовали такого же рвения к делу, как Гуня, когда была в их возрасте. Никто из них не думал пойти в портнихи. По крайней мере изначально. Каждая хотела закончить выбранные профессиональные курсы. Казалось, это была подвластная им сфера жизни, какой бы ни была ситуация за пределами Чехословакии, где Адольф Гитлер продолжал подпитывать ненависть к евреям и усиливать требования относительно усиления немецкого права.

¹⁹ Гуня родилась в Плавнице, польской горной деревушке. Вскоре после ее рождения родители переехали в Кежмарок.

²⁰ *Konzentrationslager Auschwitz Frauen-Abteilung*, USHMM. Родители Гуни записаны как Германн Шторх и Фанни Бирнбаум (их другие имена – Цви Кригер Шторх и Ципора Бирнбаум Лаундау). На регистрационной карточке ее фамилией значится Винклер – свидетельство брака по расчету, в который она вступила, чтобы избежать проблем с визой и уехать работать в Лейпциг. Настоящей фамилией ее мужа была Фолькман. На карточке указано, что по прибытии в Освенцим у Гуни не было никаких инфекционных заболеваний или физической слабости. Однако вскоре это изменилось.

В 1938 году стало до боли ясно – линии на картах совершенно не спасут от экспансионистских амбиций нацистов. Гитлер потребовал власти над Судетской областью в Чехословакии, утверждая, что необходимо защитить живущих там людей немецкого происхождения. В надежде смягчить иначе очевидный конфликт, европейские державы встретились в Мюнхене, чтобы обсудить этот вопрос. Интересы Чехословакии на конференции никто не представлял, страна не могла выразить свою позицию касательно аннексии Судетской области. Это было в сентябре.

В ноябре часть территории страны была передана Венгрии и Польше. Браха почувствовала это на себе. Ее семья вернулась в Чепу в 1938 году. Когда Венгрия оккупировала этот регион, семья снова собрала чемоданы и незаконно пересекла границу, чтобы вернуться в Братиславу. Это было зловещее предзнаменование будущих перемещений.

В марте 1939 года Богемия и Моравия перешли во власть Германии. Словакия превратилась в фашистское государство-марионетку, власть которого находилась в руках правых антисемитов. Чехословакия прекратила свое существование.

Из Кежмарока, родного города Гуни, евреи уезжали по собственному желанию, или их отъезды «поощрялись». Как-то еврейский мальчик, ученик, пришел в свою школу в Кежмароке и увидел на доске надпись: *Wir sind judenrein*²¹. Старые одноклассники стали расовыми врагами²².

В Братиславе в 1939 году Ирена тоже пришла в свою школу, как обычно. Она добралась до привычной классной комнаты с друзьями и приготовилась к занятиям. Учительница вошла и безо всяких предупреждений объявила:

– Нельзя, чтобы немецкие дети сидели в одном классе с евреями. Все евреи – на выход.

Ирена и другие девочки собрали книги и ушли. Их подруги нееврейки ничего не сказали, ничего не сделали.

– Они же были такие хорошие, – сказала Ирена, пораженная их пассивностью. – Я не могу на них пожаловаться²³.

Детство кончилось.

²¹ Здесь никаких евреев (нем.)

²² Хелен (Хелька) Гроссман, урожд. Броди, цитируется в *Secretaries of Death*, Lore Shelley. Хельке было 15 с половиной лет, когда обучение в школе пришлось прервать. Какое-то время ее прятали в городе Бардеёве. Нееврей сдал ее в 1942 году. Ее депортировали в Освенцим, где назначили на работу в картотеке административного блока СС; спала она с Гуней и остальными портнихами.

²³ Интервью Ирены Канка, архив Фонда Шоа.

2. Единственная власть

«Мода – единственная власть, но зато какая».

Траудль Юнге, секретарша Гитлера, цитируя Адольфа Гитлера²⁴

На первый взгляд кажется, что гламурный мир моды и тканей не имеет ничего общего с политикой; это чуть ли не прямая противоположность жестокой войне. Как же швейные ателье или развороты журналов с весенней коллекцией в *Vogue* связаны с мужчинами в темных костюмах за столами на конференциях, где решаются судьбы наций, где солдат отправляют на войну, где выдают приказы тайной полиции?

Нацисты прекрасно понимали, как сильно одежда влияет на социальную идентификацию и подчеркивает власть. Также их очень интересовало богатство европейской текстильной индустрии, в которой доминировали еврейский капитал и еврейский талант.

Разумеется, все мы носим одежду. И что именно носить, что нам разрешено носить, – вовсе неслучайно. Культура руководит выбором одежды. Деньги руководят торговлей тканями.

Портные создавали предметы гардероба, поддерживая идеализированный мир подиумов, фотосессий и светских бесед. Со временем портные и портнихи оказались втянуты в политику людей, использовавших моду для продвижения своих жестоких идей.

Модная индустрия уходит корнями в скромные домашние дела. Для всех девочек в Европе XX века шитье, конечно, могло быть и увлечением, но в большинстве случаев это было необходимым навыком. Починка и штопанье одежды входили в число главных женских обязанностей. Особо талантливые могли «поколдовать» над воротничком рубашки, чтобы никто не заметил оборванные края; могли заштопать чулки такими нитками, чтобы они выглядели как новые; могли распустить швы или, наоборот, сузить, чтобы одежда сидела на изменившейся талии так, как нужно. Не говоря уже о создании новых предметов одежды: детских простынок, костюмов на праздники, уличных костюмчиков, фартучков.

«Праздничная атмосфера рынка отводит грусть и печаль», – Ладислав Гросман, «Магазин на главной улице».

Когда Брахма Беркович выходила из дома на Еврейской улице в Братиславе и смотрела налево, ей открывался вид на поворот дороги, ведущей к старой деревянной церкви Святого Николая. За поворотом находился «Дом доброго пастуха», магазин, где продавались принадлежности для шитья – ленточки, пуговицы, наперстки и иголки в бумажных пакетиках. Любая швея нуждалась в острых ножницах для резки, маленьких ножницах для надрезов и распарывания швов, меле для выкроек и булавах, которые вечно терялись.

На торговых улицах Братиславы было много и магазинов вроде «Дома доброго пастуха» и небольших рынков с лотками, полными мелочей, в которых покупатели могли копаться в поисках нужной вещицы. В базарный день торговцы и разносчики собирались в городе: кто-то раскладывал товар на столах под разноцветными холщовыми зонтами, другие располагались прямо на бордюрах с корзинами и бочками всякого добра. Покупатели рассматривали и вертели в руках товары – кружева, вышивку, пуговицы, броши, расшитые платки, – и готовились торговаться. Продавцы зазывали прохожих, нахваливая свой товар привычной скороговоркой, или просто сидели и следили, как бы ловкий воришка не стащил чего-нибудь.

В небольших магазинчиках продавались готовые товары. Сапожники иногда клали у входа связки сапог, как бананы. У портного костюмы могли висеть на балках над головами. Их мастерские находились либо в темном уголке магазинчика, либо на заднем дворе. Отец

²⁴ *Until the Final Hour*, Traudl Junge.

Брахи Саломон копил деньги, чтобы открыть собственную текстильную мануфактуру и тоже повесить яркую табличку со своей фамилией над входом в магазин.

Еще были магазины ткани, перед которыми невозможно было устоять любому, кто хотел себе костюм с иголочки. В сельской местности еще встречались люди, которые сами ткали полотно, но в городах ткань продавалась метрами – креп, сатин, шелк, твид, ацетат, хлопок, лен, сирсакер (жатый ситец) и многое другое, производимое на текстильных фабриках Европы. В магазинах суконщиков ткань выставлилась огромными рулонами и сложенными в прямо-угольники кусками. Продавцы разворачивали на больших столах ткань перед потенциальными покупателями, показывая рисунок и качество. Опытные покупатели проверяли ткань на вес, рассматривали плетение, сразу представляя, как будет выглядеть готовый костюм.

В середине XX века в ткани особенно ценилась пригодность для носки: будет ли она садиться, потеряет ли цвет, будет ли достаточно теплой или достаточно легкой? Швеи и покупатели знали достоинства натурального волокна, но и ценили доступность искусственных тканей, например вискозы. Мода на расцветки и декор менялась по сезону. Новомодные принты были хороши для лета, бархат и меховая отделка появлялись к осени, а за ними – зимние шерсть и камвольная ткань. Весной популярны были цветочные принты.

Неважно, любительница швея или профессионал – в швейную машинку надо было вложиться. В домашних мастерских и салонах использовались в основном машинки с ножным управлением. Они были очень красивы, покрытые черной эмалью с золотым орнаментом, и крепились к деревянным столикам на кованых железных стойках. Из брендов были *Singer*, *Minerva* и *Bobbin*.

Существовали везучие портные, которым были по карману мурчащие электрические швейные машинки. Торговцы швейными машинами продавали их по полной цене или в рас-срочку, а в газетах можно было найти объявление о продаже подержанных машинок. У пере-носных машинок был ручной привод. Для них предусматривался специальный чемоданчик с ручкой. Это было идеально для портных, которые ходили работать к клиентам на дом и зача-стую оставались там на несколько дней, чтобы выполнить заказ.

В каждом городе и практически в каждой деревне были местные портные, которые адап-тировали фасоны из модных журналов, перешивали одежду из магазинов и чинили рваные вещи. У лучших мастеров появлялись преданные покупатели, даже если те работали из дома. Были особые специалисты, которые шили роскошное кружевное белье, белье для приданого, свадебные платья и корсеты. Люди с амбициями и капиталом открывали маленькие салоны, с гордостью вывешивая в окне табличку с собственной фамилией. А самые талантливые и удач-ливые стремились показать себя на мировом уровне.

Почему же портниха Марта Фукс не должна к этому стремиться? Она была талантливой, представительной, имела некоторые связи. Ее привлекала международная модная сцена Праги. Марта надеялась однажды туда попасть.

«Женищина должна быть стройной и гибкой, при этом не лишенной изгибов и округло-стей фигуры», – из журнала «Ева», сентябрь 1940 года.

Прага была идеальным городом для подающих надежды портных. Марта вполне могла рассчитывать на свои силы и природное дружелюбие, чтобы справиться с неизбежными стра-хами, отправляясь из Братиславы покорять мир столичной моды.

Старый город в Праге был очень живописным, с прижатыми друг к другу домами и высокими дымоходами, чтобы дым поднимался выше черепичных крыш и фронтонов. Новостройки первой республики – между 1918 и 1938 годами – всячески подчеркивали совре-менный характер. Всюду, от стройплощадок и строительных лесов вокруг до белых офисных зданий, квартир, фабрик, читались чистые линии и функциональная эстетика. Эти же контра-сты присутствовали и в пражской моде. Классические рисунки старомодных нарядов сосед-ствовали со смелыми идеями в одежде, по достоинству оцененными за вкус и элегантность.

Всякий человек, разглядывающий витрины дорогих магазинов на пражских бульварах, пробиваясь через толпы пешеходов и перебегая через дороги, нагруженные трамваями и машинами, оставался под впечатлением от искусно оформленных витрин современных больших магазинов. Новые стильные костюмы красовались на манекенах либо развешивались в «подвижных» позах. Каскады шелковых галстуков и узорчатых шарфов, стойки со всевозможными видами головных уборов – тюрбанов, косынок, дамских шляпок, беретов или «таблеток». Изобилие дамских сумок с идентичными кошельками в комплекте. Обувь столько, что не переносить за всю жизнь, кожа, рафия, шелк, хлопок, пробка.

Цены подписывали на симпатичных карточках крупными, привлекающими взгляд цифрами. Охотники за хорошей ценой начинали дышать чаще, как только им попадалась на глаза табличка «Распродажа». Шопинг был популярным и приятным времяпрепровождением и нередко включал в себя поход в кафе, возможность побаловать себя чем-то сладеньким, но чаще это была просто дань благоразумию: большинство людей в середине XX века владели небольшим количеством одежды, относились к ней бережно и вносили разнообразие в образ за счет аксессуаров.

Смекалистые покупатели ходили на Грабен, немецкую улицу в Праге, где находился «Морик Шиллер», ателье и магазин тканей с надписью «По назначению суда».

Отполированные таблички на самых эксклюзивных дорогих улицах представляли названия элитных салонов и модных домов, например Ханы Подольской, которая прославилась шитьем одежды для кинозвезд. Или Зденки Фухсовой и Хедвики Виковой, которые работали на Подольскую²⁵. В модной индустрии женщины могли не только стоять наравне с мужчинами, иногда им удавалось даже их превзойти. Женщины участвовали во всех этапах создания одежды.

Процветающая пражская индустрия моды поддерживалась высококлассными статьями и фотографиями в журналах «Пражская мода», «Вкус», «Журнал дамской академии моды» и «Ева».

Особенно интересным и изысканным был журнал «Ева». Его целевую аудиторию составляли девушки и женщины, говорящие на чешском и словацком, такие как Марта Фукс. Помимо статей о моде и домашнем творчестве, журнал уделял много внимания достижениям женщин в искусстве, бизнесе и даже таких сферах, как авиация и моторный спорт²⁶. Модели «Евы» были не только шикарно одеты, но еще они всегда казались полными энергии, что бы они ни презентовали – осенние меховые шляпки или же яркие пляжные костюмы из тафты. Журнал предлагал разумный феминистский эскапизм с налетом роскоши, которая казалась почти доступной, по крайней мере, в мирные годы.

Когда Марта надеялась поработать в Праге, в конце 1930-х годов, в моде были длинные гладкие линии, что отразилось в косых срезах для одежды из легких, струящихся тканей и рациональном крое для костюмов. Моделям с покатыми плечами пришли на смену варианты с большими, почти прямоугольными плечиками из конского волоса или ваты. Смелый новый стиль намекал на внутреннюю силу и способность к действию – качества, которые нужны были женщинам больше чем когда-либо по мере погружения Европы в конфликт.

«Я выиграла поездку в Париж, а попала в Освенцим», – Марта Фукс.

Одной из самых известных довоенных журналисток была Милена Есенская. Она всегда узнавала настоящий литературный талант. В числе прочих авторов она признавала и про-

²⁵ Платье Подольской получило первый приз на Международной выставке ремесел 1938 года в Берлине. Это был первый и последний чешский модный показ в Германии – вскоре страна была раздроблена.

²⁶ Первый номер «Евы» был опубликован в декабре 1938 года. Несмотря на блеклость в годы Великой депрессии, журнал просуществовал до 1943 года. Самые стойкие модные журналы выдержали нехватку бумаги в военное время, продолжая привносить в жизни их читателей эскапизм и советы по экономному пошиву платьев.

двигала Франца Кафку. Также ей отлично давались политические тексты. Модные советы для читательниц основывались на ее собственном увлечении хорошей одеждой, знании мировых трендов и особой любви к французскому нижнему белью²⁷.

Франция бесспорно была сердцем модного мира Европы, несмотря на стиль Праги и талант чешских дизайнеров. Талант Марты вполне позволил бы ей работать в Париже, если бы в дело не вмешалось что-то сильнее моды.

Марта была безумно талантливой закройщицей, и в таких, как она, нуждался любой салон. Закройщик превращал бумажную выкройку в удобную одежду. Закройщик знал, как сложить или разложить ткань по ходу плетения, как соединить элементы выкройки. Он брал в руки портновские ножницы и длинными, плавными движениями раскраивал материю. Как только лезвия рассекали ткань, пути назад уже не было.

В Париж Марта так и не попала.

Самое близкое взаимодействие Марты с французской модой ограничилось чтением статей в чешских журналах, таких как «Новая парижская мода» и «Парижская элегантность».

Париж был высшей ступенью в мире моды. Хотя Прага не зря гордилась своими независимыми модными салонами, но не стихали восторженные разговоры о французском кутюре Поле Пуаре, который организовал показ в чехословацкой столице в 1924 году. Парижские идеи распространялись через журналы и недели мод, через ярмарки одежды и даже через кино.

В межвоенные годы портные разных калибров со всего света поглядывали на Париж со смесью зависти и уважения. Они хватались за любую возможность съездить в Париж, чтобы изучить новые модели сезона и, при должных связях, заполучить место на одном из роскошных модных показов, где модели гордо прохаживались по залам с толстыми коврами и золочеными зеркалами, а потенциальные клиенты попивали дорогое шампанское, отмечая номера запавших в душу костюмов. На плечах возлежали соболи, на шеях блестели жемчуга, золото и бриллианты. В воздухе витал запах роз, камелий и духов «Шанель № 5».

За кулисами шоу протекали пропахшие потом трудовые будни манекенщиц, костюмеров, наладчиков, швей, хореографов и продавцов. В изготовлении предметов французской высокой моды участвовали тысячи рабочих, как правило, действующих инкогнито. Для изготовления коллекций от-кутюр требовались специалисты, готовые потратить семь лет на подробное изучение изготовлений только рукавов, юбок или карманов, или же отверстий для пуговиц. Были закройщицы, как Марта, рисовальщики орнаментов, отделочники и декораторы – те, кто специализировался на отделке из бус, вышивке и плетении кружев.

Волшебство одежды творилось трудом, а не взмахом волшебной палочки. И все же, несмотря на то что приходилось работать по многу часов и иметь дело с требовательными клиентами, это был свободный мир ателье, а не рабство в буквальном смысле слова, как в мастерской концлагеря.

Еще несколько лет Марта Фукс проработала в салоне в Братиславе. Из любви к делу и ради хороших денег.

«Не становитесь швеей. Да, это спасло мне жизнь, но там нечего делать – просто сидишь и шьешь», – Гуня Фолькман, урожд. Шторх²⁸.

А что же Германия? Неужели она позволит Парижу себя затмить?

Гуня Шторх, работавшая в Германии с конца 1920-х и на протяжении 1930-х годов, собственными глазами видела, как немецкая модная индустрия не только сопротивлялась французскому влиянию, но и встала на сторону дискриминационной и разрушительной политики.

²⁷ Гестапо арестовало Есенскую за сотрудничество с сопротивлением, борющимся с немецкой оккупацией Чехословакии. Она умерла в концлагере Равенсбрюке от почечной недостаточности 17 мая 1944 года, в полосатой тюремной одежде вместо привычных изысканных костюмов.

²⁸ Из беседы с Гилой Корнфельд-Якобс, племянницей Гермины Фолькман-Хехт, урожд. Шторх. Гуня находилась на том этапе жизни, когда по большому счету утратила веру во все, и текстильный бизнес не был исключением.

Гуня еще была подростком, когда проделала долгий путь из Кежмарока в Чехословакии до Лейпцига в восточной Германии. Экспресс из Праги мчался среди упорядоченных пейзажей аккуратных городов и тщательно огороженных полей. После Татр этот пейзаж казался таким плоским...

Гуня моментально освоилась в Лейпциге. Ей нравилась атмосфера роскошных театров и оперетт, соблазны больших книжных магазинов, показы мод в процветающих бутиках. Она сбросила свои провинциальные наряды и наслаждалась ролью городской девчонки в компании юных друзей.

Дела Гуни процветали, и со временем она открыла собственный бизнес – салон в одной из комнат отцовской квартиры. Когда отец возвращался из небольшой синагоги неподалеку, он подавал клиенткам, ожидающим встречи, очень сладкий лимонный чай. Он всегда сначала сам пробовал чай. А клиентки знали, что при встрече с ним не надо здороваться за руку, потому что он был глубоко религиозным евреем²⁹.

Количество клиентов Гуни росло благодаря «сарафанному радио» – все рассказывали друзьям про ее невероятный талант. Она могла пролистать журналы – такие как «Vogue», «Мир элегантности», «Дама» – и создать собственные модели. Она рисовала на бумаге от руки, безо всяких инструкций. Когда ее сестра Дора приехала в Лейпциг, она помогала Гуне на последнем этапе работы, то есть с кромкой и сжатием. По задумке, Гуня должна была обучить Дору своему делу, но так и не нашла для этого времени. Дора наслаждалась прекрасной одеждой и восхищалась талантами Гуни – она могла одеть любого, независимо от фигуры.

²⁹ *Memory Book*, Gila Kornfeld-Jacobs.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.